

которые расставляет в истории русской литературы Мирский, в том числе и исторические, заслуживают не просто внимания и обсуждения, а, что гораздо более важно, — применения в педагогической практике. Мирскому принадлежала еще одна идея, которую М. В. Ефимов назвал «ударом по профсоюзу советских литературоведов»: «У нас нет ни одной истории европейской литературы, которая бы включала русскую, ни одной истории русской литературы, которая рассматривала бы ее как часть европейской» (с. 589). Был еще один замысел, безнадежно утраченный, он сложился у Мирского уже в лагере и дошел до нас благодаря воспоминаниям Ю. Г. Оксмана: «Он бесконечно скорбел по поводу своего перехода в новую веру и приезда в Россию, проклинал коммунизм, издевался над своими иллюзиями. Много говорил о своих планах истории русской поэзии и верил, что останется жить» (с. 631).

Иллюзии, над которыми издевался Мирский, находясь в лагере, — особая тема. М. В. Ефимов касается этих иллюзий, заставивших Мирского вернуться в Россию навстречу неминуемой гибели. Как обычно, не обошлось без женщины: перед inferнальной Верой Гучковой-Трейл-Сувчинской Мирский в одном из писем поставил вопрос ребром, либо она выходит за него замуж, либо он возвращается в Россию. От себя добавим, что ответ на эту загадку отчасти помогает найти роман В. Набокова «Подвиг» и его же стихотворение «Бывало ночью только лягу...». Тяготение вернуться в Россию у некоторой части первой волны эмиграции носило настолько иррациональный характер, что понять его может только художник, в судьбе Мирского получилось еще

страшнее: вместо оврага в черемухе была мерзлая колымская земля.

Возвращению Мирского в Россию предшествовало вступление в коммунистическую партию Великобритании, где он надеялся обрести здоровую альтернативу «загнивающему Западу». После возвращения создавалась третья часть наследия Мирского, представленного преимущественно статьями по зарубежной литературе, в которых сквозь марксистские догмы проглядывает такое тонкое знание и понимание английской литературы, какого мы не найдем ни у одного из наших специалистов-литературоведов. Но отделить эти догмы никто, кроме автора, не имеет права, и эти статьи так и остаются погребенными под ними.

В короткой рецензии трудно, даже невозможно описать все богатство и разнообразие идей, которые кодифицирует, поясняет и связывает друг с другом биография «Святополк-Мирский», ее так и хочется назвать нашим «патентом на благородство», книгой, помогающей глубоко прочувствовать «духа мощного господство и уточненной жизни цвет» ее героя. Она впервые представляет наследие этого уникального историка русской культуры как некое целое, расставляет акценты и намечает реперные точки для его освоения. Невозможно себе представить, что эта книга окажется очередным кирпичиком в здании огромной серии ЖЗЛ, она должна стать темой серьезных методологических дискуссий и краеугольным камнем для построения нового курса истории русской литературы в соответствии с заглавием главной книги Мирского — «с древнейших времен» и, может быть, даже по сегодняшний день.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-252-254

© С. А. Дубровская, © О. Е. Осовский

«ВЕЛИКОЕ НЕСЧАСТЬЕ РОДИТЬСЯ ПОЭТОМ...»: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСТВА Д. И. МОРСКОГО*

Имя Дмитрия Ивановича Морского (наст. фам. — Малышев, 1897–1956) практически не известно современному читателю. Мало знакомо оно и специалистам по отечественной литературе 1920–1930-х годов, возможно, только тем, кто детально исследовал круг корреспондентов А. М. Горького или младшее поколение «новокрестьянских» поэтов, историю первых

десятилетий эрзя-мордовской профессиональной словесности. Участник трех войн (Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной), прошедший предвоенные, военные и послевоенные тюрьмы и лагеря, он в 1923–1925 годах учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова, регулярно посещал «Никитинские субботники», активно публиковался в газетах и журналах (от «Известий», «Красной звезды», «Красной нови» и «Молодой гвардии» до «Пахаря», «Путеармейца» и «Строителя БАМа»), вернулся в 1954 году, полностью отбыв десятилетний

* *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Из литературного наследия Д. И. Морского: Переписка. Воспоминания. Рецензии. Неопубликованные произведения. М.: ФЛИНТА, 2020. 490 с.

срок на Севере, и умер в районном Доме инвалидов, не дожив до шестидесяти. Непростой, порой до неуживчивости, характер, безмерная резкость высказываний и смелость оценок, в том числе и сталинской политики по отношению к крестьянству, голоду начала 1930-х годов, довольно быстро стали причиной окончания его официальной писательской карьеры, так что большая часть написанного Д. И. Морским осталась неопубликованной.

Среди дошедшего до нас литературного наследия внушительное число художественных произведений (многоотный роман «Неслышанный голос», повести и рассказы, поэтические тексты), автобиографическая и мемуарная проза, драматургия, киносценарии, публицистика и литературная критика, эпистолярный, в числе адресатов которого И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, М. И. Калинин, А. В. Луначарский, Н. И. Ежов, А. Б. Халатов, В. И. Полонский, А. А. Фадеев, Е. Ф. Никитина, В. В. Казин, В. М. Инбер и др.

Н. Л. Васильев и Д. Н. Жаткин немало потрудились для того, чтобы наследие Морского, в более или менее систематизированном виде, оказалось представлено на страницах книги. При этом исследователям пришлось обращаться не только к фондам Центрального государственного архива Республики Мордовия, где находится большая часть наследия писателя, но и к другим документохранилищам (РГАЛИ, Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН, отделы рукописей РГБ и РНБ). Часть материалов была передана родственниками автору первого биографического очерка о Д. И. Морском¹ Л. Г. Васильеву и оказалась в его личном архиве. Примечательно, что исследователи, при всей своей симпатии к герою, подчеркнуто стремятся к объективности в оценке его литературного дарования: «...следует отметить безусловный писательский талант автора и вместе с тем отсутствие у него глубинной литературной школы, эстетический эклектизм (подражание поэтической классике и временное увлечение модной в 1920-х гг. формалистической эстетикой)» (с. 20).

Непростая задача реконструкции творческого пути писателя решается в книге последовательным представлением ряда сюжетов. Это прежде всего публикация переписки молодого поэта с А. М. Горьким. «Глубоко взволновала меня Ваша внимательность, дорогой Алексей Максимович!» — пишет Морской 25 октября 1927 года (с. 31). Отправив Горькому свой поэтический сборник «Сурдина пурги» и оказавшись в числе адресатов великого писателя, он в течение нескольких лет будет вести спорадический диалог с «приволжским бродягой-великаном» (с. 34). Именно так он определит Горького в своем послании к нему с явным расчетом на литературное покровительство. Однако, как показывают приведенные документы, Горький не был впечатлен поэтическими опытами но-

вого знакомого и, оказав ему некоторую помощь и поддержку, не стал, как это явствует из мемуаров Морского, «продвигать» его в литературу. Впрочем, ряд советов от великого писателя был получен: «Все, испытанное Вами, должно бы явиться богатством Вашим и гордостью Вашей, все это — материал для Вас, поэта. А кроме этого, у Вас есть и еще богатейший материал — в легендах, сказках, песнях Вашего племени» (с. 29).

Обида на Горького прорывается в черновом наброске с выразительным заголовком «Что меня погубило»: «Хоть „мертвых с кладбища не носят“, но, коль скоро дело коснулось покойного А. М. Горького, позволю себе упомянуть его имя. В своих критических и публицистических статьях великий покойник высказывал одно, а в частных письмах и в личных разговорах — другое, противоположное тому, что говорил в печати. Например, ратуя в советской печати за злободневность художественной литературы, в своих письмах ко мне он советовал писать произведения из жизни своего мордовского племени» (с. 310).

Заметный интерес вызывает и переписка с П. Н. Сакулиным, наставником Морского по «Брюсовскому институту», не просто благоволившим к бывшему студенту, но и выступившим автором предисловия к той самой «Сурдине пурги». Именно на поддержку Сакулина рассчитывает Морской в своем конфликте с советской цензурой, не пропускающей его поэму «Буря». Приводимые в его письмах детали общения с П. И. Лебедевым-Полянским, руководителем Главлита, — важное дополнение к сегодняшним представлениям о реальных механизмах цензурного контроля над литературой во второй половине 1920-х годов.

Не менее ярким представляется и сюжет о «перековке» Морского в «Бамлаге». Один из самых поразительных документов — «Первому вселажерному слету поэтов, писателей, художников и композиторов Бамлага НКВД творческий рапорт». «Верные сыны Коммунистической партии — чекисты Бамлага на примере показывают, как надо выковырять кадры советских писателей в условиях исправительно-трудовых лагерей», — заявляет Морской, сообщая «коллегам по цеху» о своих достижениях (с. 302).

Публикуемые литературные произведения (от эпиграмм на Л. Троцкого до «Лагерных поэм» и автобиографических фрагментов) свидетельствуют об активном желании Морского вписать себя в советскую литературу 1930-х — начала 1950-х годов. Он настойчиво стремится сохранить себя именно в качестве живого участника литературного процесса, преодолевая все невзгоды и обрушившиеся на него несчастия, вернуться в «литературный строй».

Увы, есть у книги и недостатки. Не совсем ясно, почему издательство обозначило ее как монографию, а составителей-комментаторов представило титульными авторами. Не помешали бы развернутый биографический очерк, равно как и краткая летопись жизни

¹ См.: Васильев Л. Г. Дмитрий Морской: Очерк жизни и творчества. Саранск, 1964.

и творчества, хотя бы избранная библиография трудов Д. И. Морского и посвященных ему работ, более детальный комментарий к отдельным текстам. Впрочем, эти частности никак не сказываются на главном: рецензируемая книга в большей мере — документ о чело-

веческой судьбе, нежели о литературном таланте. Но для тех, кто хочет понять и почувствовать атмосферу эпохи, увидеть извивы литературной жизни относительно недавнего прошлого, значение рецензируемого издания трудно переоценить.

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-254-255

© Л. В. Хачатурян

«ПЛАТОНОВСКИЙ „СТРАННЫЙ“ СТИЛЬ»: НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ РОМАНА «ЧЕВЕНГУР»*

В 2021 году был опубликован третий том сочинений Андрея Платонова, полностью посвященный одному произведению — роману «Чевенгур». Трудно представить себе еще один настолько сложно организованный, многократно менявшийся, многослойный, проблематичный для научной передачи текст. Платоновский «„Чевенгур“ — это и сопряжение двух романов в одном произведении, неоконченного „Строители страны“ и „нового Чевенгура“» (с. 573), и слои авторской правки, и бесконечные редакторские вмешательства в текст, включающие разрушительную правку *postmortem*.

Любая научная публикация наследия Андрея Платонова необходимо получает дополнительное измерение — текстологическое. Применительно к «Чевенгuru» речь идет о реконструкции произведения, поэтапном выстраивании нарратива: «...работа над каждой частью романа имеет собственное досье источников со своими сюжетами, героями, коллизиями и вопросами» (с. 546). Решение этих задач потребовало высокого профессионализма составителей: замысел¹ и первая редакция «Чевенгура» (варианты были изначально исключены ими из тома в связи с большим объемом) занимают около двухсот страниц. Важнейшей части многолетнего исследования — характеристике рукописей Платонова и восстановлению логики авторской правки — посвящена не только статья в самом издании, но и два объ-

емных тома «Архива Андрея Платонова».² При критическом рассмотрении «Чевенгура» было задействовано более двадцати редакций и вариантов, не считая четырех прижизненных публикаций машинописных фрагментов (с. 545–546). «Ключом» к произведению стал анализ сводной рукописи,³ фиксирующей три важнейших этапа творческой истории: роман «Строители страны», повесть «Преходящие годы» и «собственно „Чевенгур“» (с. 546). В результате был установлен основной текст — выправленная самим Платоновым машинопись 1929 года, находящаяся в фонде писателя в РГАЛИ.⁴

Источниковедческие изыскания определили и структуру тома. Материал распределен по трем разделам (текст романа; планы и редакции; комментарии). В комментарии пояснены политические, социально-экономические реалии конца XIX — первой четверти XX века, устаревшие и диалектные слова и выражения, топонимы, прототипы, события личной биографии, выявлены аллюзии, интертексты и автосцитирование; значительное место занимает информация историко-краеведческого характера (события романа происходят в Воронежской губернии).

Комментарий предваряет развернутая статья о творческой истории произведения (с. 545–602). Ее авторы Н. В. Корниенко и Е. А. Папкова выделили несколько этапов работы над «Чевенгуром». Уже летом–осенью 1927 года, т. е. в начале создания романа, Платонов показал рукопись самым близким читателям — М. А. Кашинцевой и своему другу Г. З. Литвинову-Молотову, редактору издательства «Моло-

* Платонов А. П. Соч. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2021. Т. 3. 1927–1929. «Чевенгур». Роман / Отв. ред. Н. В. Корниенко; подг. текста и комм. Н. В. Корниенко, Е. А. Папковой. 720 с. Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 19-18-00353, <https://rscf.ru/project/19-18-00353/>, в НИУ ВШЭ.

¹ ИРЛИ. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1–2. Цифровая копия рукописи доступна на портале «Автограф. XX век»: <http://platonov.literature-archive.ru/ru/content/zreyushchayazvezda>; дата обращения: 30.04.2022.

² Архив А. П. Платонова. М., 2016. Кн. 1; М., 2019. Кн. 2. Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция.

³ ИРЛИ РАН. Ф. 780. Оп. 1. Ед. хр. 34. Цифровая копия рукописи доступна на портале «Автограф. XX век»: <http://platonov.literature-archive.ru/ru/content/chevengur>; дата обращения: 30.04.2022.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 80.